

ОТСЮДА НАЧИНАЕТСЯ ДОРОГА ПО РОССИИ

Беседу ведут два тарских «москвича» Вадим СУКАЧ
(на снимке слева) и поэт Леонид ЧАШЕЧНИКОВ (на снимке справа).

Л. Ч. — Вадим Павлович, помните наш последний телефонный разговор по поводу интервью для газеты «Тарское прииртышье»? Я Вас просил тогда прислать мне вопросы письмом. Возможно, Вы сочли это мое условие за некий снобизм, но это совершенно не так. Дело в том, что памятуя русскую поговорку «что написано пером — не вырубить топором», я очень ответственно отношусь ко всякому печатному слову. К этому меня приучила журналистика, начало которой, между прочим, положено в Таре, и, конечно же, долгие годы работы в поэзии. Я очень избирательно читаю газеты, уже примерно с полгода не включаю телевизор — у меня аллергия на эти «говорящие головы», которые

несут новость что на всю страну, ведут какие-то междусобойчики, совершенно безответственные, сбивающие народ с панталыку. А между тем, на глазах соотечественников разрушена Держава, повсюду творится беззаконие и воровство, втоптана в грязь национальная гордость и нравственность.

Вот почему, отвечая на присланные Вами вопросы, я, наверняка, буду выходить за их рамки, говорить какие-то небесспорные вещи, делать нелицеприятные, жесткие выводы.

А поэтому просьба к редакции газеты не стараться сделать из меня благостного собеседника, а, значит, — не править авторский текст. Если же в Таре посчитают, что в предвзвешенную бочку меда я своими рассужде-

ниями примешиваю ложку дегтя — пусть не публикуют, я, хоть и обижусь, но пойму, потому что:

Меняется с годами

Душа меняется во мне.

Но затаилась между

строчек

Моя печаль — сестра

вине.

А в закутке души —

тревога,

Как бедный родич

на пиру,

Когда гостей богатых

много —

Она, и впрямь, не

ко двору...

...Владыки платят

за веселье,

За лесть, что лжива.

да нежна

Гуляй, народ!

Придет похмелье —

Тоска, как денежка

ну».

А теперь после такого вступления, я готов отв

чать на Ваши вопросы.

В. С. — Расскажите кратко о Вашем «тарском периоде» жизни. Можно ли его рассматривать как трамплин в мир литературы, поэзии?

Л. Ч. — Кратко не получится. Тара для меня — это моя юность, заря долгой жизни — как-никак седьмой десяток лет разменял. Можно, конечно, пунктирно обозначить: учился в культпросветшколе, потом работал какое-то время худруком и завклубом в Знаменке, а затем в Екатерининском. Тогда же, примерно, начал кропать стихи. Пологрудово. Васисс, Имшегал — все это Тарское прииртышье где много верст пройдено и проехано с концертными агитбригадами, в состав которых входили

(Окончание на 3 стр.)

(Оконч. Нач. на 1 стр.)

Мне добрые помощники, инициаторы художественно-самодельности. Кто же это были талантливые, честные ребята? Где они теперь, живы ли? Между прочим, оба моих брака совершены не «на небесах», а тоже в Таре, или совсем рядышком. Старший сын, сноха и внуки живут в Бирюках с зятем и внучкой. В прошлом году наведались к деду. А сын Александр... Ну да, ладно, промолчу. Прочтет, может, вашу газету и догадается, что я пока еще жив...

Насчет трамплина отвечаю так: я в своей жизни все больше в гору тащился, взвалив на плечи груз собственной судьбы. Трамплин — это когда под горку, с ветерком. А Тара, как я уже говорил — начало пути, тропинки, выходящей на большую дорогу, сколько бы не петляла она по мелколесью или урману. Бывало я сбивался с нее, блудил, но, в конечном счете, выходил на тракт. Вот так и до Москвы дошагал, но на это потребовалась почти вся жизнь.

Что же касается литературы, поэзии, то и эта стезя берет начало в Таре, в газете «Ленинский путь». Моими первыми редакторами были умные мужики: Самсонов, Аглыков, Веляев, Горчаков. Яков Горчаков был первым для меня поэтом, которого я встретил в жизни. Потом я встречался и дружил со многими очень талантливыми русскими поэтами, но Яша, Яков Степанович — статья особая — он был моим первым наставником. В Таре опубликованы мои изначальные стихи, с которых ныне при уходе на пенсию, исчислен мой литературный стаж: с года 1953... Всех сибиряков, с кем свела судьба, уважаю и помню, хотя «иных уж нет, а те — далече». Помню наши редакционные «литературные среды», и первую свою напечатанную, под Твардовского «поэму» «Сашка Сибиряк», оригинала которой, к сожалению, не сохранилось. Ее разругали в пух и прах — и поделом — не обезьяничай! Может быть вот такая беспощадная, но дружеская строгость навсегда отучила меня от версификаторства и вторичности? Похоже, что так оно и есть, коли запомнился и до сей поры вызывает смущение, этот давний и теперь уже всеми забытый мой грех.

А еще я помню всех девушек, в которых влюблялся. Нет, нет — девушки-бабушки — имен я ваших не назову, чтобы внуки над вами не подсмеивались и деды-мужья не ревновали! Но, ей богу, я всех вас помню, потому что без той давней влюбленности, почти всегда безответной, вряд ли бы я стал поэтом...

В. П. — Что вы вкладываете в понятие «сибиряк»? Какие черты сибирского характера Вам особенно импонируют? Помогает ли это Вам в разделении персонажей Ваших литературных героев чертами «сибирского характера», если «да», то не назовете ли Вы один-два примера из Ваших книг?

Л. Ч. — Не я первый говорю, что поэт, как, впрочем, любой писатель, в своих произведениях как или иначе автобиографичен. И это — верно, как верно и то, что

собственным житейским опытом должен непременно править, по выражению А. С. Пушкина, «божественный вымысел». А я, как человек крещенный в православии, и, с годами, все глубже постигающий божественную суть Евангелия, его нравственных постулатов, не оспаривая Пушкина, определил бы творчество, как «божий промысел». Говоря проще, дано или не дано свыше. Когда от Бога, то это Пушкин, Лермонтов, Есенин, Рубцов... Вчитайтесь в их стихи и вы увидите, что при самом высоком взлете божественной фантазии, они наполнены личным опытом, судьбой каждого из этих творцов.

Конечно, есть стихотворцы иного покроя, чьи описания похожи на отражение галлюцинаций,

которые в народе грубо, но точно определяются как «бред сивой кобылы». Им присуждают «Нобелей» и «Пулицеров», раздувают до немислимых величин, но пузырь эти лопаются по истечении времени, с переменной той или иной конъюнктуры. И прав был незабвенный Сергей Александрович Есенин, сказавший: «Лицом к лицу — лица не увидать, большое видится на расстоянии...»

Поймите меня правильно: я отнюдь не собираюсь пристраиваться в запылок за великими поэтами России-матушки, но что касается корневых основ русской поэзии, то я сам, как личность, и все написанное мною исходит от земли, породившей меня на свет, от судьбы моей и судьбы многострадальной Родины. Отсюда проистекает и ответ о чертах «сибирского характера», о месте Сибири в моем творчестве.

Давайте сначала, хотя бы коротко, определим без романтизма и экзальтации, так сказать «весомо, грубо, зримо», эти самые черты? Кто спас Москву зимой 1941—42 годов? Сибирские полки. Кто в течение трех месяцев, в том же Омске, построил несколько военных заводов и дал нашим войнам грозное оружие против оголенных фашистов — танки, самолеты? Сибиряки. Кто кормил Советскую армию со своих малородных, но необъятных земель почти всю Отечественную войну, отрывая от себя последнее? Сибирские старики, бабы и подростки. Кто раньше всех после войны восстановил народное хозяйство за 2—3 года, тогда как всей стране на это потребовалось 7—10 лет? Сибиряки. Чем еще, пока художественно, в нынешнюю разуху, учиненную псевдомонократии и их забурных поведырями, кормится вся Россия? Сибирской нефтью, газом, лесом, минеральными богатствами, которые в несметном количестве по дешевке сплавляются во все концы света.

Так что давайте без излишних сантиментов определим этот характер как «сибиряцкий». Впрочем такое определение

как «сибиряцкий» — верно, как верно и то, что

уже в дал лет двадцать назад в поэме «Сроки»:

Я вновь про это, вновь про это,

Я вновь про баб да мужиков.

Стоит в тайге за Тарой где-то

Деревня испокон веков... Таких сто тысяч

...Таких сто тысяч за Уралом,

Но для меня в деревне той —

Россия, как в росинке малой,

С ее суровой добротой...

Я бы мог привести сейчас десятки строк с упоминанием Тары, только не это ведь главное в моем творчестве. А главное состоит в том, что я до конца дней сохраняю этот самый «сибирский характер». И никому да от этого не деться, хоть порой — ох, как трудно! — с ним живется и мне самому, и тем, кто со мной соприкасается.

В. С. — Какие книги Вы написали? Какие события в них отражены (периоды истории). Имеют ли эти события какое-либо отношение к Таре, к Сибири?

Л. Ч. — Частично на этот Ваш вопрос я уже ответил в рассуждениях о «сибирском характере». Что же касается написанных книг, то я бы ответил так: написано много — опубликовано обидно мало. Их всего девять. Одна из них — перевод с калмыцкого. Правда, если учитывать два неолых брошюры из серии «Рекламная библиотека поэта», то в прошлом году вышла «Благовест», а в этом году скоро выйдет «На круги своя». Последняя включила в себя, в основном, гражданские стихи, написанные в прошедшем году. Тревожные стихи, резкие. А ведь я по складу души — лирик, мне ближе то из написанного, в чем выражены любовь и грусть нормального, земного человека, пришедшего в этот мир не орать, не скандалить, а любоваться красивой женщиной, потешным ребенком, мудрым старым человеком, белым светом, наконец! И поэтому:

Судьбой, иль роком до конца, до срока
Все в этом мире сходит на мне:
Следы порока и печать пророка
Отмечены в очах и в седине.
Цветут сады или метет пороша,
Парит орел иль кружит воронье,
Кустится рожь иль падает роща —
Все это сквозь меня, во мне,

Я этим миром мятый, битый,
Клятый, страдающий от боли и тоски,
Боксь фальшивой мысли, как расплаты
За пепел лет, осевший на виски.
Живу у строк в пожизненной неволе,
Но, походя, с оценкой не спешу.
Пока не разглядишь на зрелом поле
Горчайшую полынью моей души.
Так что, если говорить о Таре, то, конечно же,

она со мной, как говорится, «на всю оставшуюся жизнь». Вопрос в том, не забывает ли Тара о сыновьях, выпестованных ею? Хотя бы о тех, которые не кувыркались по России перекачки-полюем, а прошли достойно, оставив свой след на земле... Наверное, бестактно упрекать, скажем, редакцию, для которой я даю Вам интервью, но лучше уж сказать, чем таскать камень за пазухой. Еще лет пять назад мне приходили частенько письма от бывшего редактора газеты «Ленинский путь», с просьбой прислать стихи да и просто так — перекинуться добрым словом. Теперь таких писем из редакции нет, стихов там моих не печатают, а если и промелькнет что-то из того, что написано давным-давно, то даже газету с

публикацией забывают прислать — то ли по лениности, то ли от равнодушия.

Понимают ли в редакции, что не ради денег я стремлюсь публиковаться на родине (какие там гонорары!), не ради тщеславия, а потому, чтобы не прерывалась связь между поколениями тарчан, чтобы знали они, что выходцы из Тары «не лыком шиты, не ветром подбиты».

Здесь, в Москве, мы как мальчишки рады, если случай сводит с еще одним тарчанином, как недавно было, когда я на одном из выступлений познакомился с Юрием Дмитриевичем Соколовым, а через него и с Баби, Вадим Павлович. А вообще-то нас здесь известных не только в Таре, но и по России немало: С. Н. Бабулин, М. И. Сильванович, М. А. Ульянов. Правда, Михаил Александрович, человек, действительно талантливый, составивший при жизни себе и Таре славу всемирную, в последние годы «заигрался», обделомократился... Ну да, Бог ему судья. Но сказано же в апостольских заповедях: гордыня, тщеславие, фарисейство, — три самых главных смертных греха. И там же сказано: что бывает, когда появляются торговцы в Храме...

В. С. — Вы являетесь уже много лет членом Союза писателей России (ранее — СССР), избраны Председателем рецензионной комиссии Литфонда России, принимаете активное участие в общественной жизни г. Балашихи Московской области и т. д. Как удается Вам совмещать эти обязанности, отражается ли это на Вашей литературной деятельности?

Л. Ч. — Еще как! И дело не только в том, что остается мало времени для того, чтобы спокойно сосредоточиться за письменным столом — а жизнь-то подходит к своему естественному финалу! — но и в том, что при всеобщем развале и раздрыге раздерганна и душа. Страшно угнетает, порой, бессилие как-либо повлиять на творящийся вокруг беспредел. Но я никогда не умел отойти в сторонку и спокойно понаблюдать; что из всего

этого получится? Такой уж у нас, у сибиряков, характер! И потом — журналистика, которой, в общей сложности, отдано 17 лет жизни, приучила не только наблюдать и «отображать», но и активно вмешиваться словом, действием.

Недавно в Балашихе избрали меня председателем районного Земского Совета. Я дал согласие на это только потому, что мечтаю объединить всех достойных, честных людей ради главного сегодняшнего дела — восстановления порядка, согласия среди граждан, ради народовластия в истинном, соборном смысле этого слова. А то ведь старогини и свидригайловы, так беспощадно описанные Ф. М. Достоевским, ныне обжившиеся в хитоны демократов, либералов, социалистов, монар-

хистов, анархистов и т. п.), вот уже который год витийствуют, суетятся на никчемных съездах и презентациях, говорят какие-то речи, выдвигают несурзные проекты. Раскололи общество, растащили народишко по партиям и партийкам. Это ли не современные бесы?! Ведь ни в какие ворота не лезет, когда еврей Владимир Вольфович Жириновский (Эдельштейн) ходит в «отпах» русской нации. Все мы это уже проходили, только тогда эти господа называли себя комиссарами, а теперь демократами или либералами. Помним мы ваших предшественников, господа, — от Марата и Дантона до Троцкого и Ягоды. А кто не помнит — пусть полистает патристические издания последних лет, а не клевет ежеченно просионистскую телевизионную «клякву». Иногда в отчаянии решаю:

Я уеду из Москвы, уеду — уеду — в чупы
Заберусь куда-нибудь в чупы
От лукавых человековедов,
От глухой, несущейся толпы,
От жидов, торчащих спозаранку
У посольств, борделей, кабаков.
И окошек мафиозных банков...
Я уезду: жил — и был таков!
Небольшая для Москвы потеря —
Отвалил — и только-то всего.
Ах, поэт?.. Москва стихам не верит
И слезам народа своего.
Жизнь закончу с другом у степного
В старческих беседах ильменя.
Я уеду из Москвы, уеду —
Только вы и видели меня!

Но это — в минуты отчаяния. А так — куда от себя убежишь! И значит, надо продолжать жить, работать, тащить из последних сил свой земной воз.

В. С. — Связывает ли Вас по родственной линии Тара, Сибирь? Как часто навещаете Тару, что Вам особенно памятно и дорого?

Л. Ч. — Тару навещаю редко. В последний раз

был там в 1982 году. В Омске сравнительно недавно — в 1990-м. До Тары доехать не пришлось — прилетел с делегацией Московских писателей на литературный праздник — «Омская зима», который проводился там ежегодно. Кстати, там ежегодно он был последним. Псевдодемократы все разбодали, прикончили и русскую литературу. Сибирь, в этом смысле, не исключение! Даже В. П. Астафьев скурвился.

Что касается родственных связей, то я вначале уже говорил о детях и внуках, которые и поныне живут в Сибири, много родственников из двоюродных сестер, племянников и т. д. в Омске, Седельниковском районе, в том числе и в Таре. Более или менее устойчивую связь поддерживаю с братьями и сестрами Аркадием и Александром Чашечниковыми, с Сергеем Ждановым, Валентином и Октябрьной Блажковскими. Может я сам виноват — закручен, замордован жизнью, а может и нет... Словом, у нас в роду довольно прохладно относятся к родственным отношениям. Может потому, что с детства приучены «к автономному плаванью» по жизни. Все мы — дети предвоенного времени и начали ходить самостоятельно по земле с 14—16 лет. Не принято у нас сюсюкать, жаловаться, просить помощи и поддержки. С одной стороны, это вроде бы нормально. А с другой — с младых ногтей вырабатывался навык сопротивляемости, «самости», независимости в суждениях и поступках... Может это и есть одна из главных составляющих «сибирского характера»?

В. С. — Тарчане готовятся к славной дате в истории их родного города — 400-летию Тары. Планируете ли Вы приезд в Тару ко дню ее юбилея? Чего Вы ожидаете от этой встречи?

Л. Ч. — Раньше я бы радостно и не задумываясь ответил: обязательно поеду, если пригласят. Теперь ситуация сложнее. Во-первых, тяжелее стал на подъем, из-за всяческих болячек вторых, есть круг определенных дел и обязанностей, которые все чаще не совпадают по времени с моими личными желаниями, а, в-третьих, (чего уж тут стесняться!) наводит на раздумья финансовая сторона вояжа. По самым скромным подсчетам поездка станет в несколько сот тысяч, а у меня пенсия не дотягивает и до пятидесяти в месяц: так что надо усердно поскрести затылок, прежде чем дать окончательный ответ. Хотелось бы, конечно, может быть в последний раз, там побывать — друзей, внуков навещать... Словом, поживем — увидим!

Ну, а если все-таки поеду, то надо пристально, не торопясь осмотреть город, поговорить по душам с земляками, почитать им стихи и, хоть в какой-то мере, отчитаться за свое творчество, за прожитую жизнь.

В. С. — Традиционный вопрос: Ваши творческие планы на 1994 год и на ближайшее будущее?

Л. Ч. — Планы, планы... Какие сейчас планы! Во-первых, возраст такой, когда проникаешься суевремием и понабавляешься заглядывать

вг... — день прожил — и слава Богу! А потом: богиня Муза — такая дама, что приходит «внепланово» и все реже.

Ну, а если серьезно, то вполне закончил работу над большой поэмой с условным названием «Мужики и комиссары», Временной диапозон действующих лиц и событий — с февраля 1917-го года до наших беспутных дней. Положил в стол, «на отлежку», потому что трудно предугадать, что будет с Россией через полгода, через год...

Закончил большой цикл гражданских стихов, лирики — и тоже в стол. Сейчас ведь нормальную русскую литературу почти никто не издает: стряпают, в основном западную чернуху и порнуху. Но как сказал Михаил Булгаков: «рукописи не горят...» За славой я никогда не гонялся, а теперь уж и вовсе ни к чему!

В. С. — Что бы Вы хотели передать жителям Тары, какие пожелания в их трудовой и культурной жизни и в связи с предстоящим юбилеем?

Л. Ч. — Как и всем нам достойно и, по возможности, без больших потерь, пережить лихолетье: делать дело не ради корысти, а для всеобщего блага. Ну, а если — не дай Бог! — злые силы — Бесы, по точному замечанию Ф. М. Достоевского, все-таки опять столкнут лбами русский народ в кровавой сшибке — четко определиться на стороне Добра, Правды и Справедливости. А так — что для нормального человека свято испокон веков? Тянуть свою борозду на благодатной российской ниве, бросать добрые знаки в землю и в души подрастающего поколения, блюсти свой дом и свою Державу в мире и порядке.

В. С. — Любую Вашу мысль о Таре, о тарчанах, о предстоящем 400-летию Тары...

Л. Ч. — Вадим Павлович, я в конце опять упомяну еще об одном смертном грехе — грехе многоглаголия. Похоже, что мы с Вами уже впали в этот грех — наговорили столько, что наскучили читателям. Подытоживая наш диалог, скажу так: юбилей, даже такие значительные, как 400-летие родного города, проходят и похмелье после юбилейных банкетов. И снова наступает обыденная человеческая жизнь. А она нынче мало располагает к шумным, беззаботным торжествам. Поэтому закончу наш разговор строками из стихотворенья «Встань, Россия, с колен!»

...Воцарилась у власти
бездородная шайка,
Промотала до нитки
твои сундуки
И пустила по миру
бродить попрошайкой,
И хохочет, и
мстительно скалит
клыки.
Но возмездье придет:
ты воспрянешь, я знаю!
Супостатов твоих ждут
бесчестье и тлени;
Мне бы только увидеть,
Россия родная;
Как ты голову векинешь
и встанешь в колени!
И давайте, как водится
в таких случаях, пожелаем
нашим землякам
сибирского здоровья не
только телу, но и душе,
благоразумия и терпения.
До встречи в Таре, дорогие
наши земляки!

18 апреля 1974 года.